

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Исследование социальных движений в России является одной из важнейших задач отечественной науки. Между тем, многие вопросы остаются спорными и недостаточно исследованными. К ним относится и проблема социально-демографических характеристик низов русской армии первой половины XIX века, на которую пришлось большое количество акций открытого и латентного сопротивления данного периода.

Недостаточный интерес исследователей к той массе нижних чинов, которая в той или иной мере выразила своё сопротивление действующим и вновь вводившимся в армии порядкам был обусловлен господствовавшей в советское время идеологической концепцией «борьбы классов». Субъективные факторы исследователями практически не учитывались, хотя формально признавались. Такой подход существенно сужал возможности объективной оценки процессов, происходивших в русской армии в первой половине XIX века.

В данной статье мы попытались, на основе имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов, выявить состав, возраст, срок службы и семейное положение нижних чинов - участников отдельных акций неповиновения и протеста. Нами были использованы как официальные, идеологически выверенные, так и статистические документы, выполняющие информационные и регулятивные функции. Большинство документов были созданы без конкретной цели анализа и выявления определенных закономерностей. Это, прежде всего, связанные с данной темой официальные документы и статистические сведения, несущие в большинстве своем первичную информацию, не имеющую аналитического характера.

Полученные сведения позволяют обоснованно судить о совокупности критериев, которые предъявлялись к нижним чинам русской армии первой половины XIX века.

В процессе анализа документальных материалов нами был установлен *социальный состав* армейских низов. Во-первых, это были выходцы из удельных крестьян [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299]. Эта категория являлась одной из наиболее многочисленных в русской армии.

Во - вторых, выходцы из помещичьих крестьян [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299].

В-третьих, выходцы из экономических крестьян [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299]. Недостаток документального материала не позволяет нам сделать вывод о процентном содержании этих категорий солдат, так как необоснованный вывод имел бы следствием типичную ошибку смещения вследствие статистически незначимого объема выборочной совокупности.

В-четвертых, выходцы из дворовых людей. В РГИА хранятся материалы допроса Алемпия Васильева [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 30-32], уроженца Вологодской губернии и уезда, сельца Ильинского, из дворовых людей помещика Барша, сорока одного года от роду, старослужащего (в службе - с 1809 года), из рекрут. Направлен он был сначала в 1-й Морской полк, затем - в Черниговский, где был произведён в унтер-офицеры в 1817 году. С 1823 года - писарь. Но вскоре его разжаловали за пьянство в рядовые. В ходе следствия в 1826 году А. Васильев показал, что «по приказу Муравьёва под диктовку унтер-офицера Дмитриевского с полковым писарем Патутовым, Хоперским и Болякиным писали катехизис... и бумаги, проклинавшие службу, упоминавшие церкви и царей... О бунте до его начала ничего не знал, намерения к нему не имел...» [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 32]. Однако, утверждая, что он ничего не понимал в содержании катехизиса, Васильев смекнул, что он направлен против церкви и правящих особ. И более того, догадавшись, не донес на командиров, что должен был сделать в

первую очередь. Как и часть других, он был объявлен невиновным, так как якобы не понимал, что делает.

В-пятых, выходцы из обер-офицерских детей. В материалах следствия имеются показания Ивана Петрова Хоперского, уроженца города Тамбова [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 38-41]. В военную службу он был отдан по резолюции тамбовского правления, в котором служил канцеляристом. За нерадение к должности, в 1822 году отдан в службу в Черниговский пехотный полк рядовым. Там произведен в писари, но смещен в рядовые по той причине, что выходец из обер-офицерских детей писарем быть не мог. Как и остальные писари Черниговского полка, утверждает, что ничего не знал о подготовке бунта.

В-шестых, дворяне, «лишенные дворянского достоинства за бунтарские настроения», например, Дмитрий Грохольский и Игнатий Ракуза [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 30-33]. Нам не удалось выяснить, в результате каких конкретных событий они оказались разжалованными в рядовые и в каком году это случилось. Их фамилии упоминаются в Конфирмации августа 1826 года [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 30-33]. Но мы точно установили, где и в каких чинах они служили до того, как были разжалованы в рядовые и попали в Черниговский полк. Игнатий Ракуза был в прошлом поручиком Пензенского полка [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 31], входившего в 8-ю пехотную дивизию, а Дмитрий Грохольский - штабс-капитаном Полтавского полка [РГИА, ф.1093, оп.1, д.299, л. 32], который, как и Черниговский, принадлежал 9-й пехотной дивизии. Вышеназванные солдаты, как одни из активнейших участников событий 1825 года, были наказаны прогнанием через 1 тысячу шпиркутенов 4 раза. Согласно исследованию И. Ульянова, ежегодно в нижние чины зачислялось более 1000 дворян [11. С89]. При этом необходимо отметить, что они, хоть и далеко не все, принимали участие в различных акциях солдатского неповиновения. К примеру, из осужденных в 1837 году по делам, поступившим в Штаб Генерал - Инспектора по

инженерной части, 1,9% составили нижние чины из дворян [подсчитано автором по: РГВИА, ф. 312, оп.1, д. 11246 Часть 2].

С 1831 года, в связи с острым недокомплектом в армии, воинская повинность была распространена и на духовенство. В армию стали набирать детей священнослужителей в возрасте от 15 до 40 лет, остающихся без мест в церковном ведомстве или исключенных из духовных учебных заведений. Кроме этого, в рекруты сдавались и те представители данного сословия, которые имели многократные провинности. Примечательно, что инициатива последнего предложения исходила от Священного Синода.

Таким образом, как видно из приведенного выше, слой нижних чинов состоял из представителей различных социальных групп, начиная от помещичьих, удельных и экономических крестьян до людей, бывших выходцами из духовенства и дворянства, с явным преобладанием представителей податных сословий, что было продиктовано спецификой комплектования русской армии первой половины XIX века.

Второй вопрос, представляющий интерес в рамках нашей темы – изменения призывного возраста нижних чинов в течение первой половины XIX века. Если до 1808 года возраст рекрутов по старым нормам определялся с 17 до 35 лет, то уже в 1808 году, в условиях хронического недокомплекта армии, он был установлен с 19 до 37 лет, в 1812 году - с 18 до 40 лет. При этом наибольшее количество принимаемых людей находилось в возрасте от 20 до 25 лет. Данный вывод мы сделали, проведя несложные расчёты возрастного состава нижних чинов из рекрутов, прибывших для прохождения службы в Екатеринбургский пехотный полк в 1815 году [РГВИА, ф. 489, оп.1, д.282, л. 190-244]. По нашему убеждению, такая аналогия вполне приемлема, так как существовали общие правила комплектования частей, а вариации соотношения в разные годы были незначительны. То есть общие принципы комплектования были практически неизменны. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: рекрутов в возрасте 26-36 лет - около 21%, ниже 20 лет - около 29%, от 20 до 25 лет - около 50%.

В 1827 году вернулись к норме 18-35 лет. Но норма эта вскоре была подкорректирована и определена в границах от 20 до 35 лет после 1831 года. Однако общая тенденция преобладания солдат в возрасте от 20 до 25 лет сохранилась [11.С.132].

Небезынтересным является выявление того, какие возрастные и сословные категории солдат были наиболее активными в различных акциях неповиновения. Это, помимо прочего, предоставит необходимые сведения, которые дадут основание судить о соотношении между различными социальными слоями в армии. Для реализации данной задачи, мы взяли в качестве примера данные о сословном составе рядовых 1-го батальона Семёновского полка, проходивших по делу об ослушании против начальства в 1820 году. Логичнее было бы использовать информацию и о 2-м и 3-м батальонах, которые после происшествия были раскассированы на юг, но за неимением таковой мы вынуждены рассматривать данные только по 1-му батальону.

Из 741 человека, преданных суду в 1-м батальоне Семёновского полка, выходцы из крестьян составили около 78%, а из однодворцев, мещан, солдатских детей, военных поселенцев - лишь 22% [подсчитано автором по: РГВИА, ф.801 (ГВСУ), оп. 65/6 1-е Отделение 1812-1836]. При этом среди солдат не было ни одного выходца из дворянского сословия.

В полку было немало ветеранов, прослуживших по 15 -20 лет. Из 741 солдата 1-го батальона 1,3% (10 человек) прослужили более 20 лет, около 3% (23 человека) - от 20 до 15 лет, около 17% (33 человека) - менее 5 лет [Подсчитано автором по: Данные Военно-судного дела о нижних чинах бывшего Семёновского полка // Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов. М., 1988. С.75]. Более 2/3 являлись ветеранами войны 1812 года. 32,8% (243 человека) имели награды.

Среди нижних чинов 1-го батальона были представители 44-х губерний [РГВИА, ф.9, оп.65/6, д.6, ч.1, л. 215-435]. Больше всех дали такие губернии, как Тверская (48 человек), Ярославская (44), Нижегородская (38),

Московская (32), Воронежская (32), Пермская (30). В этих губерниях получило развитие, помимо сельскохозяйственного, промышленное производство, а значит, и такое явление, как отходничество крестьян на заработки в города. То есть мы можем говорить о том, что нижние чины, призванные из указанных губерний, занимали своеобразное положение среди общей массы выходцев из чисто крестьянской среды.

Аналогичные подсчёты мы провели в отношении матросов Гвардейского Морского Экипажа, выключенных по происшествии 14 декабря 1825 года [РГАВМФ, ф.935, оп.1, д.109, л. 9-68]. По Обстоятельному списку выключенных после происшествия 14 декабря их общее число составило 76 человек. Проанализировав количественное соотношение старослужащих и вновь прибывших или служащих недавно, мы пришли к следующим выводам.

Наиболее ранним сроком поступления в службу является 1806 -1810 годы. С 1806 г. в службе состояло 3 человека (из 78 в списке), с 1809 г. -1 человек, с 1810 г. -3 человека, итого - 9% от общего числа помещенных в список. С 1811 -1813 гг. в службе находилось 17 матросов (22%), с 1814 - 1818 гг. -33 матроса (около 42%), с 1819 г. служил 61 матрос (79%), с 1825 г. -1 человек (1,2%). Но в гвардии лишь 1 человек служил с 1810 года, тогда как с 1825 года -17 человек (22%) [подсчитано автором по: РГАВМФ, ф.935, оп.1, д.109, л. 9-68].

Таким образом, в конкретных событиях 1825 года, вошедшего в историю под названием «восстание декабристов», когда потребовались инициатива и определенная степень подготовки со стороны нижних чинов, наиболее активными проявили себя те, кто не один год находился в службе, причём независимо от того, в каких частях - армейских или гвардейских - они начинали её. И, напротив, в тех случаях, когда протест проявлялся стихийно, через одиночные побег, кражи и прочие преступления, которые могут быть оценены уже как уголовные, наиболее активными были как раз

те, кто ещё состоял в рекрутах или недавно находился в службе. То есть солдаты 20 -25 лет [РГВИА, ф.801, оп. 63, св.4-9].

С целью анализа социально-демографического состава нижних чинов – участников различных по характеру акций протеста, нами рассмотрены среднестатистические показатели их семейного положения. Специальных подборок документов и по этому вопросу в российских архивах нет. Интересующая нас информация рассеяна в огромном количестве документов, выходивших, как правило, из-под пера чиновников судебных ведомств или содержащихся в сопроводительных документах рекрутов. Примечательно, что данным аспектом изучения состояния русской армии XIX века отечественные исследователи специально вообще не занимались.

В первую очередь, перед нами встала задача выявления процента семейных людей, определяемых в рекруты. Обобщенных сведений найти не удалось, но зато мы имеем возможность проанализировать данные, содержащиеся в сопроводительных документах рекрутам 85-го набора, поступившим в 1815 году для пополнения в Екатеринбургский пехотный полк, числящийся в 11 пехотной дивизии [РГВИА, ф. 489, оп.1, д. 282, выборка]. Для большей объективности информации, мы рассмотрели сведения и рекрутам 86-го набора, 1815 год [РГВИА, ф.36, оп 1, д.2, л. 94-677], прибывшим в г. Выборг для определения в 21-ю дивизию (всего 137 человек). Из общего числа рекрутов процент семейных составил: женатых - 15,4%, холостых - 84,6% [Подсчитано автором по : РГВИА, ф.36, оп. 1, д. 2, л. 95 -98]. Из семейных имели детей: в первом случае - лишь 1,6%, во втором - около 8% [РГВИА, ф. 489, оп.1, д. 282, Часть 2].

Мы попытались определить процент семейных солдат и среди участников акций неповиновения, в частности, нижних чинов - участников восстания декабристов. По логике вещей, большинство из них должно быть свободными от семьи. Интересный факт содержится в «Списке лейб-гвардии Московского полка нижним чинам, выключенным из него в декабре в числе мятежников. Январь 1826 года» [РГИА, ф.1093, оп.23, д.8, л. 135-136], где

наряду с нижними чинами отмечены их жены и дети (40 рядовых, их жён, 14 детей мужского и женского полу), и в «Указании командующему Гвардейским Корпусом от исправляющего должность Вице - Директора» [РГИА, ф.1093, оп.23, д.8, л. 132]. Смысл данного документа в следующем: оставшимся после выключенных из лейб - гвардии Московского полка нижних чинов женам и дочерям производить по одному пайку каждой, впредь до повеления. Подобный же список существовал и в лейб - гвардии Гренадерском полку (6 рядовых, 6 жён и 11 детей), но это только перечисление лиц, без каких - либо указаний относительно них. Однако можно и по-иному проанализировать эту информацию. Если предположить, что она является в той или иной мере полной (составлены документы около 17 января 1826 года, то есть когда были определены практически все основные участники и виновники событий декабря 1825 года), что пока ничем не опровергаются, то, зная приблизительное количество заключённых (в перспективе - выключенных) из полков [377 нижних чинов из Московского полка, 261 -из Гренадерского-подсчитано автором по: ГАРФ, ф.48, оп.1, д.28, л. 60 -76 Списки о разных лицах, к делу прикосновенных], можно в качестве версии принять следующее: семейных нижних чинов в Московском полку было примерно 10,6%, в Гренадерском - 2,3% [подсчитано автором по: ГАРФ, ф. 48, оп.1, д.28, л. 135 -137]. О Гвардейском Экипаже мы подобными сведениями не располагаем. Что же касается Московского и Гренадерского полков, то в них семейные нижние чины, судя по нашим подсчетам, не очень активно приняли участие в опасном мероприятии 14 декабря 1825 года. Видимо, процент женатых, в общем был небольшим. Да и многие молодые нижние чины, скорее всего, были холостыми.

Небезынтересен для исследователя, занимающегося проблемой состояния армии начала XIX века, вопрос об уровне грамотности нижних чинов. По нашим подсчетам, среди рекрутов грамотных было не более 10% [РГВИА, ф.36, оп 1, д.2, л. 95 – 184]. Именно поэтому в первой четверти

XIX века в южных частях и Петербурге стали приобретать популярность так называемые *ланкастерские школы*. Одновременно, для образования солдат начальники должны были читать и толковать им артикулы, рассказывать о принципах наказаний и поощрений за беспорочную службу. В воспитании солдата большую роль играла церковь, которую исправно должны были посещать нижние чины.

По-иному обстояло дело с уровнем грамотности нижних чинов в гвардейских частях. Сам принцип формирования этих элитных воинских формирований подразумевал зачисление в них лучших представителей солдатской массы. Данное обстоятельство делало эту категорию нижних чинов наиболее восприимчивой к агитации и пропаганде, которую вели офицеры, состоящие в тайных обществах. Вместе с тем, имело следствием наличие в гвардии наименьшего количества таких видов преступлений по службе, как побеги, кражи казенного имущества, переход на сторону противника во время боевых действий.

Таким образом, сделав ряд допущений при определении принципов статистических выборок, мы пришли к следующим выводам: состав солдатской массы не был однородным. В нем мы видим представителей разных социальных групп, среди которых преобладали выходцы из российского крестьянства.

Нами установлено, что уровень грамотности в армии в целом был довольно низок, хотя, безусловно, этого нельзя сказать о гвардейских частях, в которые набирались нижние чины, владеющие грамотой. В тех полках, где произошли различные по размаху выступления (Преображенский полк (1820), Семеновский полк (1820 г.), Московский полк (1825 г.), Гвардейский морской Экипаж (1825 г.), Гренадерский полк (1825 г.), полки 8-й пехотной дивизии (1826 г.), Черниговский полк (1826 г.), отмечен довольно высокий процент грамотных солдат.

Наиболее активными проявили себя те, кто не один год находился в службе и не был обременен семьей.

В ходе же отдельных стихийных акций протеста солдат срок службы и семейное положение конкретного нижнего чина решающей роли, как правило, не играли. В данном отношении следует отметить, что здесь определяющей была общая атмосфера в воинском подразделении, личность командира и его отношение к солдатам.

Литература

1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. - М.: Наука, 1973.- 616 с.
2. Габаев Г. Солдаты - участники заговора и восстания декабристов : Декабристы и их время . Т. 2 - М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1932.- 442 с.
3. Ганцова-Берникова В. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. Солдаты. // Красный архив. - 1926. - Т . 3(16) - С. 199-201
4. Гессен С. Я. Солдаты и матросы в восстании декабристов.-М.: Издательство политкаторжан, 1930.- 159 с.
5. Он же. Солдатские волнения в начале XIX в. М.-Издательство политкаторжан, -1929.- 118 с.
6. Дрезен А. Матросы - декабристы. Материалы к восстанию 14 декабря 1825 г. // Каторга и ссылка. - 1925. - № 6(13).- С. 292-297
7. Егоров И. В. Моряки – декабристы.-Л .: Лениздат, 1925.- 50 с.
8. Захаров Н. С. К вопросу деятельности Южного общества декабристов в военных поселениях.// Ученые записки Казанского университета - Казань, 1962 .- Т .122. -Кн .2. - С. 210 -215
9. Лапин В.В. Семеновская история. 16-18 октября 1820 г. - Л.: Лениздат, 1991.- 251 с.
10. Семенов С. А. К вопросу о нижних чинах - декабристах (неизданные материалы Одесского исторического архива).// Каторга и ссылка. - 1926. - № 6 (27). - С.7-9
11. Ульянов И. Регулярная пехота. 1801 -1855./ История российских войск. - М.: Издательство АСТ,1996 - 248 с.

12. Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов (1816-1825 гг.). М: Изд. Московского университета. - 1963. - 207 с.

Файзуллин Ф. С.,

Файзуллин Т.Ф.,

г. Уфа

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Социологические исследования, проведенные в республике Башкортостан, убеждают в том, что воспроизводство интеллигенции, и в том числе национальной интеллигенции, – это сложный процесс, являющийся частью социального воспроизводства общества в целом. На социальное воспроизводство интеллигенции влияют целый комплекс объективных, объективно-субъективных, субъективных и региональных факторов. Эти факторы по-разному проявляются и оказывают воздействие на формирование национальной интеллигенции. Эти проблемы, к сожалению, мало изучены в нашей отечественной социологической науке [1, с. 8].

В качестве начального этапа освоения профессии, а также исходной точки в процессах воспроизводства социально-профессиональных групп интеллигенции, следует, прежде всего, рассматривать формирование предпочтений старшеклассников в мире профессий. Именно от выбора молодыми людьми той или иной специальности, требующей наличия высшего профессионального образования, зависит количественная и качественная выраженность различных групп интеллигенции в социально-профессиональной структуре нашего общества.

Основную роль в профессиональном самоопределении личности играют индивидуальные особенности, склонности и способности, психологические качества личности, ведь благодаря им формируется интерес к тому или иному виду деятельности, и именно они являются отправной